

Борис Алексеев

**ПЛАНЕТА—
НАДЕЖДА**

Фантастическая квинтоль о добре и зле

Борис Алексеев

**Планета-надежда. Фантастическая
квинтоль о добре и зле**

«Издательские решения»

Алексеев Б.

Планета-надежда. Фантастическая квинтоль о добре и зле /
Б. Алексеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852266-6

Музыкальный термин «квинтоль» — (от лат. quintus — пятый) — особая ритмическая фигура, состоящая из пяти нот, по длительности звучания равная четырем (или шести) нотам той же продолжительности. Наше тело живёт в 4-мерном пространстве, а душа (ведь она не от мира сего) — в 5-ом особом духовном измерении. Хочется думать, что пять предложенных в этой книге фантастических повестей проведут читателя по всем пяти координатам небытия земного и бытия небесного. В путь!

ISBN 978-5-44-852266-6

© Алексеев Б.
© Издательские решения

Содержание

ИСПАНСКАЯ ИСТОРИЯ	6
Часть 1. Старик	7
Часть 2. Держи румпель, парень!	9
Часть 3. Знакомство	10
Часть 4. Пробуждение	11
Часть 5. Катрин	13
Часть 6. Хуан Антонио Гомес Гонзалес де Сан-Педро...	15
Часть 7. Чужая жизнь	17
Часть 8. Невозвращение	20
Часть 9. Мария	22
Часть 10. Таис	24
Часть 11. Не берущийся интеграл судьбы	26
Часть 12. Эпилог	28
ПЛАНЕТА-НАДЕЖДА	30
Вступление. Пакость фатального характера	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Планета-надежда Фантастическая квинтоль о добре и зле

Борис Алексеев

Фотограф (авторская фотография) Борис Алексеев

© Борис Алексеев, 2017

ISBN 978-5-4485-2266-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИСПАНСКАЯ ИСТОРИЯ

Часть 1. Старик

Испания. Приморский городок Сан-Педро. Я иду по длинному коридору оздоровительного бассейна Талассия. Передо мной из бокового прохода вышаркивает огромный сутулый старик и, мерно покачиваясь из стороны в сторону, направляется к выходу. Его походка напоминает колыхание шлюпки в волнах на короткой береговой привязи.

По причине вынужденного безделья (вторую неделю мне не случилось найти хоть какую-нибудь работу) я отправляюсь вслед. Коридор выводит нас в вестибюль бассейна и далее на ступенчатую отмель огромного океана улицы. Я крадусь за спиной старика на расстоянии 5—6 метров и разглядываю детали его забавного экстерьера. А он всё время прибавляет шаг, будто сбрасывает с плеч по каждому метр пройденного пути частицу прожитой жизни.

На старике болтаются длинные шорты, как открепившиеся паруса на двухмачтовой бригантине. Ноги обуты в поношенные кроссовки поверх плотных шерстяных носков. Сутулое обнажённое до пояса тело исковеркано бесчисленным количеством лилово-коричневых пятен и мозолистых бугорков. Пёстрый рельеф его спины напоминает старый морской бакен с налипшими чешуйками устриц, рачков и сухих перевязей морской травы.

«И зачем ты идёшь за ним?» – спрашиваю я себя, но в ответ молчу и продолжаю идти.

Старик вышел за территорию бассейна, перешёл дорогу и направился вдоль оживлённой набережной к бухте, где качались на волнах тысячи разнообразных вельботов и рыбацких яхт. Когда мы переходили проезжую часть, он вдруг обернулся. Я обомлел и попытался улыбкой скрасить неловкость положения. Но старик, казалось, всматривается куда-то поверх меня. Я также обернулся назад и увидел молоденькую девушку на балконе старинного особняка, увитого по фасаду узорчатой колоннадой. В руках у девушки был красный невероятно длинный шарф. Она подбрасывала его вверх и перебегала на другой край балкона, при этом шарф, как воздушный змей, послушно следовал за ней. Наконец, она обернула шарф вокруг своей милой головки и превратилась в огненный кокон, сигнализирующий, как красный свет маяка, фланговую опасность житейского фарватера.

Я наблюдал танец милой сеньориты и, кажется, совсем забыл о старике. Когда же вспомнил и обернулся, увидел покатуя спину старика, ушедшего прочь. Это меня удивило, и я снова посмотрел назад.

Ни старинного особняка, ни девушки на балконе не было в помине. За моей спиной галдел городской рынок, и чёрные размалёванные негры липли к посетителям, как сладкая вата...

Мы подошли к пирсу. Старик кому-то махнул рукой, и через пару минут напротив нас причалила старая, выдавшая не один шторм внушительных размеров парусная яхта. Старик перегнулся через парапет и по перекинутому трапу перешёл на палубу.

– Ты идёшь? – спросил меня матрос, скручивая канат с оголовка пирса. Я перегнулся через ограждение и вслед старику шагнул на дощатый трап.

Яхта, поймав парусами порывистый береговой ветер, уверенно легла на курс в открытое море. На меня никто не обращал внимания, и я в одиночестве присел на кормовое возвышение.

Я оглядывал мускулистые тела матросов, и беззаботная улыбка всё более спадала с моих губ. «Что происходит?» – выговаривал ум, не на шутку встревоженный глухим пренебрежением со стороны команды. Страх о роковом продолжении казалось бы невинной шутки

с каждой минутой всё больше сдавливал моё сердце. Надо было что-то делать. «Если нырну и поплыву к берегу, – подумал я, – то не проплыву и половины расстояния. Сейчас отлив, и моя попытка наверняка окажется смертельной»...

Не понимая, куда зовёт меня происходящее, я опустил голову и вскоре уснул прямо на корме, обласканный тёплым летним бризом и лёгкими покачиваниями встречной волны...

Часть 2. Держи румпель, парень!

Сочинить и записать воспалённое умозрение не сложно. Для русского сочинителя сложно другое – отыскать в прошедших столетиях застывшую массу человеческого материала, копнуть её, как борозду, да так, чтоб в морозном воздухе российской литературной речи задымились теплотой её сокровенные недра, её затейливое национальное благо!

Думаете, повесть о приключениях великовозрастного шалопаю – это и есть то, ради чего вы, милостивый читатель, отложили на час житейские попечения?

Нет! Вереница предложенных вам событий – это лишь канва. Авторский замысел повести кроется в другом, поверьте, совершенно в другом. Вот оно как!

...По прошествии времени сырой вечерний бриз разбудил меня. Я приподнялся и, несмотря на качку, попытался встать. Долгая неподвижность основательно сковала мышцы. Я повалился обратно на корму при очередном хлётком ударе волны о борт.

– Эй, челнок, – обратился ко мне огромный матрос с рыжей копной выющихся до плеч волос, – тебя кличет хозяин.

Мне удалось подняться. Качаясь из стороны в сторону, я подошёл к капитанской рубке и постучал в открытую настежь металлическую дверь. Никто не ответил, и я вошёл внутрь крохотного, уставленного приборами помещения. Старик в повелительном тоне беседовал с капитаном о предстоящих морских передвижениях. Оба стояли ко мне спиной. Через минуту кэп обернулся и кивком головы приветствовал меня. Старик, не оглядываясь, проворчал:

– Кого там носит?

Неожиданно для самого себя я ответил так:

– Хозяин, ты звал меня.

В ответ старик ухмыльнулся и прошамкал съеденной нижней челюстью:

– Ну-ну.

Шестое чувство мне подсказало: этим «ну-ну» я только что зачислен в судовую команду.

– Эй, парень, рулить умеешь? – рассмеялся кэп. – Нет? Ну и лады, держи румпель прямо на волну и не сс. . . .

Я хотел было съёрничать в ответ и высказать витиеватую благодарность кэпу «за оказанную честь», но тот уже отвернулся от меня и продолжил разговор со стариком.

Часть 3. Знакомство

Часа через полтора вокруг капитанской рубки собралась в полном составе команда яхты. Кроме старика, кэпа и рыжего матроса, ещё два на вид отпетых морских волка, одетые в выцветшие и просоленные тельняшки, замыкали странное корабельное сообщество.

– Как зовут-то? – спросил меня кэп, возвышаясь над стариком, развалившимся на единственном судовом стуле, привинченном к крепёжным вертикалям рубки.

– Огюст, – ответил я.

– Ты шёл за мной, – прошепелявил старик, и все в рубке уставились на меня, – зачем?

– Просто, – ответил я, не зная, что следует к этому прибавить.

– Просто? – усмехнулся старик, – Просто ничего не бывает. Я вёл тебя, мальчик.

Рыжий матрос поднёс старику кальян. Старик сделал затяжку, закрыл глаза и, казалось, отключился от происходящего.

– Это мои товарищи, – через пару минут продолжил он, указывая рукой на собравшихся вокруг матросов, – они свидетели моей долгой жизни. Я вижу, тебе не терпится взглянуть на текст собственной роли в этом спектакле на водах? – старик ещё раз и как-то особенно печально усмехнулся. – Скоро всё узнаешь. А теперь спать. Вахтенные – Филипп и Васса.

Я долго не мог заснуть. И дело было не в жёсткой кормовой поперечине, отведённой мне для сна, я просто лежал и смотрел на звёзды. Серебристые горошины сверкали на чёрном бархате небесной сферы, как бесчисленный песок на прибрежной косе в лунную ночь. Они казались настолько рядом, что я пару раз невольно протянул к ним руку. Звёздная вуаль ложилась на поверхность моря вдоль всего горизонта и подсвечивала над водой пенные буруны волн.

Сон поелику сморил меня, и я уснул, доверившись новым обстоятельствам собственной биографии.

Часть 4. Пробуждение

...Проснулся я от яркого солнечного луча, скользнувшего по лицу.

– Господин Огюст, – кэп склонился надо мной, как изъеденный морскими течениями знак вопроса, – как почивали?

– Спасибо, хорошо, – ответил я, немало удивлённый его вниманием.

– Завтрак готов! – гаркнул один из матросов, подбегая ко мне с подносом, полным всякой морской всячины. Поднос был с загнутыми краями, чтобы при качке горшочки с кушаньями скользили по подносу, не падая.

– Спасибо... – ещё раз ответил я, стараясь скрыть удивление перед весьма странным вниманием к моей персоне.

Я начал завтрак. Пока я ел, матрос покачивался передо мной в такт яхтенной качке и держал поднос.

Окончив завтрак и отпустив матроса, я огляделся. Первое, что мне показалось странным – это отсутствие старика. Я несколько раз внимательно обшарил глазами палубу, но старика действительно не было нигде... На яхте деловито совершалась обыкновенная морская работа.

Я подошёл к капитану.

– А где старик?

– Какой старик, господин Огюст? – ответил кэп вопросом на вопрос.

Я хотел продолжить дознание и вдруг запнулся. В голове мелькнула мысль о том, что роль старика в «этом спектакле на водах», судя по изменившемуся отношению команды, каким-то непонятным образом перешла ко мне. Его же самого нет и быть больше не может, потому что есть... я.

Теперь, оглядывая вельбот, мой взгляд уже не искал старика за судовыми выступами и нагромождениями, а неспешно скользил по лицам матросов. И каждый моряк, встречавшийся со мной глазами, склонял голову, изъясняя немедленное послушание ещё не высказанной моей воле.

Я присел в углу капитанской рубки на тот самый стул, на котором ещё вчера восседал старик. В голове отчаянно пульсировала кровь. Необходимо было сосредоточиться и обдумать моё новое положение и тактику общения с командой.

«Переубеждать нет никакого смысла, – подумал я, – единственное, что могло бы их убедить, это присутствие старика, но его нет!» Я вспомнил, как старикан посмотрел на меня, когда я вместе с матросами покидал капитанскую рубку, исполняя его же приказ о немедленном отбое. Мне тогда показалось, что он глазами умолял меня остаться, словно говорил: «Стой же, я ещё не нагяделся на тебя! Побудь рядом...» Но я вышел, и старик на прощание не остановил меня.

– Господин Огюст, фарватер, предложенный вами вчера, слишком сложен даже для такого маневренного судна, как наше. Мы правим на шлейф, где мелководные каменистые пороги могут повредить корпус и создать нам определённые трудности. Прикажете не менять курс?

«Зачем он это сделал? – подумал я, понимая, что решение о порожистом фарватере было принято стариком осознанно. – Этой ночью закончилось его время, он успел передать мне права на собственную жизнь, но, похоже, не успел вложить в своё таинственное послесловие

самое главное – желание жить! И теперь формула происходящего, лишённая энергии к продолжению жизни, работала на самоуничтожение!

– Да, мы меняем курс на обратный и идём в порт, – объявил я как можно более твёрдым голосом.

Предупреждая лишние вопросы и, не дай бог, возражения, я вышел из капитанской рубки, «вельможно» указав кэпу на штурвал, а рыжему верзиле на румпель.

Начался прилив, движение воды увеличило без того предельную скорость хода. Через три с половиной часа перед нами забрезжил тонкий горизонтальный силуэт берега. Ещё через час мы вошли в гавань Сан-Педро и причалили к пирсу набережной. Как только швартовый канат был наброшен на оголовок кнехта, я поспешил на берег.

Часть 5. Катрин

А теперь представьте изумление, которое буквально взорвало меня изнутри, когда я вышел на набережную. Как в сферическом кинозале, всё происходящее вокруг напоминало давно прошедшее время. Портовая архитектура и фасоны платьев горожан были похожи на бытовые зарисовки начального десятилетия двадцатого века. Высокие жёсткие воротники, широкие шляпы и причёски в стиле девушек Гибсона, худые, спортивные силуэты и однобортные костюмы мужчин – всё это давным-давно вышло из моды и многократно забыто ею. Однако, убедительная реконструкция человеческих предпочтений столетней давности реально искушала моё чувство исторической принадлежности.

Вдруг за моей спиной раздался хрупкий, как полевой колокольчик, крик:

– Хэй, Огюст! – я обернулся. Ко мне бежала молоденькая и лёгкая, как перо, девушка. Не успел я опомниться, как она увила мою шею тоненькими соломенными ручонками: – Огюст, Огюст, – шептала юная пэри, вжимаясь в мои небритые щёки, – ты вернулся, я так счастлива!

Ситуация!.. Крылами рук юная богиня обнимает вас, её густые шелковистые волосы щекочут вам ноздри и закрывают от глаз овал житейского моря, а вы... вы даже не знаете, как зовут вашу прекрасную незнакомку!

– Пойдём скорей! – девушка чмокнула меня в ухо и потянула за руку в сторону первой линии домов. – Мои с утра уехали в Торревьеху, я в доме одна, я так по тебе соскучилась!

Пока мы шли, она без умолку рассказывала мне новости прибрежного квартала, случившиеся в моё (?) отсутствие. Я же разглядывал архитектуру незнакомое мне времени и старался понять, что же на самом деле со мной происходит.

Мы подошли к старинному особняку. Главный фасад дома был украшен многочисленной затейливой колоннадой. Вдоль центрального портика на уровне второго этажа шёл просторный балкон, увитый старой виноградной лозой. Точно такую же архитектурную деталь я уже видел, когда мы со стариком переходили улицу... Пологие фронтоны дома посверкивали красной недавно положенной медью. Во всём чувствовалась умная мужская рука и женское внимание к мелочам.

– Пойдём же! – девушка открыла ключом высокую парадную дверь и буквально втокнула меня в прихожую. Мы поднялись на второй этаж, прошли по коридору и оказались в просторной светлой зале. Три огромных окна наполняли высокие своды залы россыпями золотистого света. Я невольно улыбнулся, разглядывая дивный солнечный аквариум, в котором человек должен был по замыслу архитектора ощущать себя весёлой рыбкой, потерявшей связь с земной гравитацией.

– Ну что ты стоишь? Идём! – мы обогнули высоченную китайскую ширму и вошли в уютный, уставленный мягкой мебелью уголок.

Тут я заметил небольшой кремового цвета листок бумаги, подколотый к ширме на поперечную шёлковую вязь. Листок был исписан крупным неровным почерком. Я разобрал только первую строку: «Катрин, любимая...»

– А, это... – девушка поморщилась, – это Рикардо, мой двоюродный брат. Влюбился в меня, как мальчик! Я ему говорю: «Рикардо, я же тебе сестра, ты не должен меня любить как женщину», а он за своё: «Браки заключаются на небесах. Кто там знает, что ты моя сестра?» Я ему говорю: «Бог всё про нас знает, и Дева Мария тоже!» А он: «Ну и пусть знают. Я всё равно тебя люблю и хочу на тебе жениться!» Тогда я рассказала отцу про проказы Рикардо...

– И что отец? – спросил я, думая совершенно о другом.

– Отец любил Рикардо и сказал: «Он смелый!»

– И что же дальше?

– Дальше? Да ничего. Рикардо не вернулся из плавания. Говорят, слишком много выловили дорадо и перегрузили яхту. Из того звена не вернулся никто. А на следующий день мне сказали, что видели твой вельбот у Розовых островов целым и невредимым. Я так за тебя обрадовалась, что совершенно не могла скорбеть по Рикардо, когда его память отпевали в церкви. Отец тогда на меня страшно разозлился: «Твой брат не вернулся, а ты даже слезы не прольёшь!» Вот так.

Девушка опустила голову на волю моего суда и добавила:

– Ты не обижайся. Я тебя так долго ждала, я ни в чём перед тобой не виновата! Ты мне веришь?

– Конечно, верю, Катрин, – ответил я, наслаждаясь событием, указавшим имя моей «возлюбленной».

Она присела на диван.

– Иди ко мне...

Я опустился перед ней на колени и поцеловал её ладонь:

– Катрин, я очень по тебе соскучился, но, милая, я так устал. Позволь мне передохнуть с дороги, – я говорил медленно, стараясь правильно подобрать слова.

– Конечно! – Катрин облегчённо улыбнулась и весело спорхнула с дивана. Ни тени смущения или огорчения от моей неловкости я не увидел на её лице, вновь искрящемся любовью и трогательной заботой обо мне.

– Я провожу тебя в твою комнату! Отец разрешил, чтобы ты жил у нас. Он хочет с тобой поближе познакомиться и надеется подружиться. Пошли!

Катрин проводила меня на первый этаж в крохотную любовно убранную комнату. Без лишних слов она нежно поцеловала меня в щеку и вышла, прикрыв за собою дверь.

Я остался один. «Что происходит? – в моей голове кружилась обида на продолжение жизни в ином времени, с незнакомыми мне людьми... Конечно, нельзя сказать, что в своём времени я был востребован и счастлив. Я рано потерял родителей, с любимой девушкой отношения так и не сложились. Она не смогла принять моё хроническое безденежье, а я – её высокомерную заносчивость по пустякам и внутренний настрой на всеядный разорительный шопинг. «Тут, пожалуй, такого нет», – подумал я.

Я стал перебирать в памяти впечатления дня и с удивлением обнаружил, что отсутствие техники на улицах, за исключением двух – трёх забавных автомобилей с ревущими, как львиный прайд, двигателями и вдобавок выхлопными трубами, извергающими клубы чёрного дыма, меня нисколько не напрягало. Наоборот, я с трогательным удовольствием наблюдал многочисленные конки и большие, не по размеру человека велосипеды. Пока мы с Катрин шли от набережной к дому, меня так и подмывало остановить рукой какую-нибудь проезжающую мимо пустую конку и развалиться на её кожаном сидении, поглядывая свысока на осанистое дефиле идущих мимо горожан.

Часть 6. Хуан Антонио Гомес Гонзалес де Сан-Педро...

Я проснулся от осторожного постукивания в дверь, открыл глаза и тут же зажмурился от яркого утреннего солнца.

– Кто там? – спросил я, приподнимаясь на кровати.

– Сеньор Огюст, вас ждут к завтраку, – ответил низкий женский голос, видимо, служанки.

– Благодарю, сеньора, сейчас иду! – я невольно украсил ответ вежливым словом благодарности, понимая, что в дальнейшем мне предстоит изменить и речь, и стиль поведения. Ведь не захочу же я казаться моим новым «современникам» белой вороной.

Я наскоро оделся, тщательно оглядел себя в высокое зеркало с резным подзеркальником и вышел из комнаты. Действительно, пожилая служанка ждала меня у двери. Она поприветствовала меня лёгким наклоном головы и, не говоря ни слова, поплыла вверх по парадной лестнице. Я последовал за ней.

Мы вошли в искрящуюся солнечным светом залу, описанию которой автор уже посвятил несколько восторженных строк. В центре залы за огромным обеденным столом сидели три человека – мужчина лет пятидесяти, красивая статная женщина (как сказали бы «у нас» – таинственного бальзаковского возраста) и моя несравненная Катрин.

При моём появлении мужчина, в котором трудно было не различить отца семейства и главу дома, встал и вышел мне навстречу.

– Папа, это Огюст, я прошу вас с ним познакомиться, – опустив голову, проговорила Катрин.

– Хуан Антонио Гомес Гонсалес де Сан-Педро, – торжественно произнёс глава семьи, протягивая мне руку.

– Огюст Родригес Гарсиа, – ответил я, пожимая его руку.

– Моя жена, Мария де Монтсеррат Риарио Мартинес де Сан-Хосе, – выговаривая имя жены, дон Хуан отвесил супруге церемониальный поклон, – моя дочь, э-э... впрочем, мою дочь вы, насколько я понимаю, уже знаете. Прошу за стол, сеньор Родригес¹, – усмехнулся хозяин и указал на единственный свободный стул.

Не успел я присесть, как слуга в потёртой малиновой ливрее поставил на стол четвёртый прибор и принялся украшать его всевозможными яствами.

– Сеньор Родригес, моя дочь сказала, что ужасный пожар уничтожил ваше родовое гнездо в Картахене, пока вы были в плавании, и вам предстоит отстраиваться заново. Примите мои самые искренние сожаления.

Я склонил голову, лихорадочно соображая, как мне следует отвечать на это печальное известие.

– В связи со случившимся позвольте мне, сеньор Родригес, – продолжил дон Гомес, – предложить вам услуги нашего дома, пока вы не исправите положение погорельца.

Отмалчиваться дальше не представлялось возможным.

– Досточтимый дон Гомес, примите мою искреннюю благодарность, – коротко ответил я, припомнив наказ отца: «Меньше слов – меньше печали».

По окончании приветственного ритуала дон Гомес, а за ним и все остальные приступили к завтраку. Впервые в жизни я чинно принимал пищу. Это что-то!

¹ При официальном обращении используется только отцовская фамилия: соответственно, вежливое обращение к Огюсту по-испански будет «сеньор Родригес».

Мы в нашем светлом будущем совершенно не заботимся об изобразительной стороне дела. Польза целиком и полностью определяется количеством съеденного. Во время трапезы за спиной практически каждого едока изнывает от безделья компьютер. Сотни скайповых уведомлений ежеминутно просят аудиенцию, нарушая редкие минуты правильной и счастливой жизни.

Теперь же я постигал науку неторопливого застольного разговора. Я отвечал на вопросы родителей Катрин, вживаясь по ходу разговора в чужую, незнакомую мне жизнь. Одновременно я резал на кусочки дымящуюся на тарелке мякоть кордера, сдобренную не менее десятью приправами и соусами, которые предлагали слуги и лично сам хозяин. Я глотал отрезанные кусочки, не пережёвывая. Жевать и одновременно толково отвечать на вопросы у меня просто не получалось.

Наконец, трапеза закончилась. Я и Катрин попрощались с родителями и вышли на городскую набережную.

– Катрин, скажи, – ко мне вдруг подступила злость, – имя Огюст – и есть имя твоего возлюбленного?

Катрин остановилась и испуганно посмотрела на меня.

– Не спрашивай больше меня так! – она опустила голову и до боли вжала свои острые ногти в мою ладонь. – Ты мой любимый, ты, Огюст, ты, понимаешь?

Часть 7. Чужая жизнь

Через месяц мы с Катрин поженились. С первого дня свадьбы моя непутёвая «много-вековая» жизнь осела на восхитительную житейскую поляну среди витиеватых райских кущ. Ночами мне снился Мадрид, ревущий «Сантьяго Бернабеу», огромный железнодорожный муравейник Аточа... Но просыпаясь поутру, я возвращался в райскую долину, исхоженную моими прапрадедами и прабабками и... всё более радовался этому! Я радовался, рассматривая тихий неспешный мир, неведомый насельникам будущих силиконовых и матричных долин, мало приспособленных для счастливой жизни.

А через год, как и положено в благородных семьях (кто знал, что я стану благородным доном!), у нас родилась дочь Мария Луиса Родригес Гомес Гонсалес де Сан-Педро. Да, мы продолжали жить в Сан-Педро у гостеприимного дона Гомеса, всеми возможными уловками отдавая его внимание от Картахены. Катрин была моей союзницей. Но любые самые интимные шёпоты по ночам каждый раз прерывались её гробовым молчанием, лишь речь зайдёт о моём прошлом. Мне это казалось странным.

Однако, со временем, набив достаточное количество шишек о стену, сложенную из «гранитных» отказов Катрин, я всё реже возвращался к щекотливой теме моего появления в её жизни.

Постепенно приходило понимание, что между нами есть кто-то третий. Этот третий сильнее нас, и я и Катрин каким-то странным образом ему служим. Поначалу мне казалось, что этот таинственный некто обременён привычками благородного дона – всё возводить ко благу. Но вскоре я почувствовал, как невидимая петля затягивается вокруг моей шеи, приятно щекоча кожу...

Первое подтверждение моих абсурдных опасений пришло незвано.

Катрин поведала о планах отца навестить родовую усыпальницу в Рабате. Так я узнал, что род дона Гомеса восходит из марокканской земли, и с радостью согласился сопроводить Катрин в этой семейной поездке.

День отъезда был назначен на 20-ое апреля 1912-ого года.

Второй год я жил среди рыбаков. Чем занимался? О, вы не поверите, во мне открылся необычайный писательский талант! Я строчил одну книгу за другой, описывая возможные метаморфозы будущего. Признание читательской публики и даже в некотором смысле славу мне принесли «смелые научные гипотезы и предвидения». В прошлой жизни (в далёком и светлом будущем) я так и не научился ничего делать толком, но, как всякий обыватель, проявлял любознательность в самых различных областях. Этого оказалось достаточно для производства успешной фантастической беллетристики, век отступив назад. Но сам факт писательского призвания оказался для меня запредельной личной неожиданностью.

Всё началось с того, что в один из первых дней знакомства с Катрин, желая как-то скрыть полное незнание окружающей жизни, я неожиданно для самого себя погрузился в фантазии.

Моё убедительное описание грядущего человеческого бытия с первых же слов привело Катрин в совершенный восторг. Её восторг передался и мне, и... меня понесло!

– На смену конкам, – вещал я доверчивой девушке, – придут электрические трамваи, в Мадриде, говорят, такое уже встречается. Вдоль набережной поднимутся высокие много-

этажные дома! Первые опыты воздухоплавания положат начало освоению неба, а лет через пятьдесят и самого космоса!..

Катрин слушала мою трепотню, затаив дыхание. Когда же я немного успокоился, она взяла меня за руку и сказала, очень серьёзно посмотрев мне в глаза:

– А ты напиши про всё это! – я начал было возражать, но она обняла ладошками мою голову и повторила: – Да-да, напиши, обязательно напиши! Это так странно!..

Я действительно засел за непривычную и поначалу неприглядную для меня работу. Но случилось невероятное. С первых строк я ощутил ветер в руке! Моё перо, будто перо птицы, трепетало и мчалось вперёд, обгоняя неповоротливые мысли. Иногда оно останавливалось перевести дух, и мысли, задыхаясь от бега, настигали строку-беглянку. Они начинали упрекать перо в излишней самостоятельности и ветреном! поведении. Но лохматое диво, не дослушав их, снова мчалось вперёд, и шум встречного ветра заглушал нравоучительную болтовню обоих полшарий.

Так я открыл в себе навязчивую и неутомимую способность к ремеслу писателя!

Как у писателя-фантаста, у меня было одно неоспоримое преимущество перед собратьями по перу: я действительно знал то, о чём пишу. Поэтому фантастические приключения моих героев отличались изысканной достоверностью. Например, я знал, что 14-ого апреля 1912 года произойдёт крушение «Титаника», и вёл сюжетную линию одного из последних моих рассказов прямо через это событие. И к слову сказать, чуть не поплатился головой, обнаружив «необычайное предвидение» катастрофы...

Весть о гибели «Титаника» с быстротой молнии облетела Европу. К вечеру 15-ого об этом уже знали и в Сан-Педро.

Мы с Катрин уложили кроху спать и отправились в трапезную залу, где двое слуг вели последние приготовления к ужину. Мы вошли. Мадам Риарио Мартинес стояла, отклонив штору, и смотрела сквозь кремнистый проём вечернего неба. Дона Гомеса ещё не было. Я поклонился мадам Риарио и присел на диван, а Катрин подошла к матери и обняла её за плечи:

– Мама, что случилось, ты чем-то огорчена?

Мать вздрогнула, повела плечами и, повернувшись к дочери, ответила:

– Дождёмся отца, он сейчас будет.

Дон Гомес ворвался в гостиную, комкая в руке газету «Вечерние новости и происшествия».

– Это как изволите понимать? – выпалил он, едва сдерживая эмоции. – Весь город судачит, что в нашем доме завёлся чёрный предсказатель! Сеньор Родригес, может быть, вы соблаговолите объяснить нам, что всё это значит, что это за литература, от которой мурашки бегут по коже?! Откуда вы знали заранее о гибели «Титаника»? Завтра здесь будет обер-прокурор с дознанием о ваших литературных достоинствах. Это немислимо! Знать о гибели тысяч людей и никому ничего не сказать!

– Дон Гомес, – не выдержал я, – простите, но книги мои гуляют по всей Европе. Почему же только сейчас обратили внимание на моё фантастическое предсказание о гибели судна?

Дон Гомес на мгновение застыл в нерешительности, потом бросил газету на стол и буркнул:

– Признаться, не знаю.

– Папа, – вступилась за меня Катрин, – Огюст предупреждал о возможной катастрофе! Ты же сам читал его роман «Чужая жизнь». Ты помнишь, что чудо-корабль мистера Бройля

тоже назывался «Титаник», и он тоже столкнулся с айсбергом! Но ведь никто из нас не вспомнил об этом, когда из вечерних новостей мы узнали о строительстве настоящего! «Титаника»! Говорят, книга Огюста была поднята из воды среди прочих вещей. Значит, о ней знали на «Титанике»!

– Катрин, пожалуйста, спокойнее, – вмешалась в разговор донна Риарио, – всё это очень, очень неприятно.

– Вот что, Огюст, – дон Гомес впервые назвал меня просто по имени, – мы 20-ого отплываем. Я прошу тебя (отец впервые обратился ко мне «на ты») остаться. Ты должен остаться и уладить неприятности, которые вот-вот обрушатся на нашу семью в связи с этим ужасным происшествием. Донну Риарио и Катрин я должен на время увести отсюда. Надеюсь, у тебя получится.

Ужин был совершенно испорчен. Дон Гомес, не коснувшись столовых приборов, встал из-за стола, сухо попрощался и удалился к себе в кабинет. Донна Риарио сослалась на головную боль и поспешила выйти вон, с трудом сдерживая слёзы. За столом остались мы с Катрин вдвоём.

– Не обижайся на отца, – сказала Катрин, – ему сейчас трудно выбрать правильное решение.

– Я понимаю, – ответил я, – поезжайте.

Часть 8. Невозвращение

20-ого апреля я простился с Катрин и её родителями. Дону Гомесу с женой и дочерью предстояло на небольшом моторном судне вдоль береговой линии плыть в Альмерию. Из Альмерии на пароме пересечь Средиземное море и высадиться в Мелильи. И по прибытии в Африку каким-то образом добраться до Рабата. Говорили, что из Мелильи в Рабат пустили регулярные конки. Дай то Бог. Я с волнением представлял тяготы дальнего путешествия и возможные невзгоды в пути. Увы, я оказался плохим предсказателем. Всё случилось гораздо хуже...

Когда паром вот-вот должен был войти в территориальные воды Мелильи, с континента внезапно обрушился штормовой ветер. За час он поднял огромную волну. Паром был перегружен: в трюмную палубу кто-то умудрился загнать целое стадо племенных испанских бычков. Большая волна качнула паром вдоль корпуса (капитан не успел или не смог поставить судно под ветер), тяжёлый корпус присел на борт. Скот шарахнуло в сторону крена, и от резкого смещения центра тяжести паром... опрокинулся.

Погибли все – пятьдесят четыре пассажира и семь членов экипажа.

Не стало благородного дона Гомеса, трогательной донны Риарио. Но главное, я потерял мою восхитительную Катрин и с ней смысл новой удивительной жизни, в которой я нашёл себя и своё счастье.

Так я остался с годовалой дочкой Марией и верной прислугой в огромном доме дона Гомеса и его супруги донны Риарио. День и ночь моя душа предавалась скорби, и я практически не выходил в город. Передо мной до солёной рези в глазах стояла живая несмотря ни на что Катрин.

Пока мы были вместе, я не знал, сколько любви исподволь «наросло» на поверхности моего сердца за два года счастливой семейной жизни. И вот теперь это огромное искрящееся улыбками милой Катрин количество счастья рассыпалось. И вместе с ним рассыпался пробитый айсбергом мой личный тысячепалубный «Титаник», собранный из трогательных пазлов новой удивительной жизни...

Первое время, примерно дней десять, меня действительно тревожили дознаниями о причинах катастрофы «Титаника». Но вскоре, взяв в толк мою личную трагедию, люди оставили свои притязания и даже при всяком удобном случае спешили поучаствовать в моих делах и выразить свои соболезнования.

Ежедневно я старался хоть немного распутать печальный клубок обстоятельств, обративших к гибели счастье и благосостояние моей семьи. Главной загадкой случившегося, конечно, был внезапный штормовой ветер, в одночасье поднявший на море бурю. Береговая система штормовых предупреждений почему-то не сработала. Ветра с Сахары – не редкость в окрестностях Мелильи, никогда раньше, как утверждали береговые синоптики, штормовой ветер не являлся неожиданно. Об аномальных отклонениях атмосферного давления метеослужба Марракеша сразу по телеграфу сообщала в Рабат, из Рабата информация передавалась в Танжер и оттуда в Мелилью.

Ещё этот скот... Следствию так и не удалось установить виновников перегрузки парома. Свершившееся казалось мне зловещим предсказанием будущих неприятностей непредсказуемого характера.

Но надо было жить дальше. Осиротевшую сердечную любовь я направил на дочь. Любить эту кроху оказалось совсем нетрудно. Маленькая Мария с каждым днём всё более принимала черты резвого очаровательного ангела!

Служанка Беренгария взялась воспитывать девочку. Я был непротив, зная меру преданности нашей семье этой почтенной и мудрой женщины. Так в старый дом сквозь сумрак смерти вошла новая звонкая жизнь.

Часть 9. Мария

Прошло пятнадцать лет. Все эти годы мы с Марией почти ежедневно ходили к морю и разговаривали с голосами, которые отвечали нам по ту сторону горизонта. Мария хотела знать о матери всё, и мы с Катрин наперебой рассказывали ей хрупкую историю нашей семейной жизни. Мари, присев на корточки, мочила в пенных бурунах ладошки и всегда переспрашивала, когда ветер крал над водой слова матери.

В дни морских волнений мы оставались дома и подолгу глядели на море из огромного окна залы, понимая, что сегодня, как бы громко ни отвечала нам Катрин, ветер и грохот волн не позволят нам насладиться беседой.

В один из дней я сидел в своём рабочем кабинете и писал очередную повесть.

В дверь постучала Беренгария:

– Господин Огюст (я позволял ей называть меня по имени), какой-то молодой человек просит вашу аудиенцию.

Я положил рукопись в стол и вышел из кабинета. У перил парадной лестницы стоял и сгорал от смущения совершенно растерянный молодой человек огромного роста на вид лет двадцати. В руках он держал букет цветов и пакет, от которого распространялся чарующий аромат копчёной рыбы.

Я спросил, что ему нужно? Молодой человек, краснея и путая слова, завёл долгую и бессвязную речь, смысл которой, как я минут через пять всё же догадался, сводился к факту его... сватовства к Марии.

Впрочем, догадаться было нетрудно. В щель между балясинами второго этажа испуганно, как дикий котёнок, выглядывала моя дочь. С трудом сдерживая улыбку, я наблюдал на лице Мари откровенное страдание за своего, надо полагать, возлюбленного. Как мог более серьёзно, я выслушал, не перебивая, монолог парня до самого конца. Наконец, юноша смолк.

Я обратился к Марии:

– Мари, объясни, пожалуйста, что происходит? Этот симпатичный молодой человек говорит мне, что пришёл тебя сватать, это так?

Видимо, я обратился к Мари слишком громко. От смущения парень шагнул назад, оступился, но ловко по-корабельному удержал тело, обхватив перила лестницы огромными ладонями, как швартовый канат. Я понял всю бестактность своего поведения. Ко мне, отцу, пришёл в дом мужчина просить руки моей дочери, я же, как баба, разговариваю не с ним, а судачу с Марией!

Я подошёл к парню и обнял его за плечи:

– Ты, гляжу, моряк что надо! С кем плаваешь?

От моих ободряющих слов у парня засверкали глаза, и он стал взахлёб рассказывать мне о своём отце, старшем брате Ромеро и ещё бог знает о чём. Говорил он складно, с прибаутками, рассказывая смеялся и даже один раз дружески похлопал меня по плечу. Тут уже рассмеялся я, а он пристыженно смолк и виновато опустил голову.

– Ну-ну, – ободряюще сказал я, разглядывая его, – а как же тебя всё-таки зовут?

– Альберто, меня зовут Альберто, – ответил парень, почему-то краснея лицом.

– Ну вот и славно, – сказал я. – Мари, хватит прятаться, подойди ко мне.

Мария спорхнула на этаж ниже и с пылким смирением юной католички встала под мою левую руку. Я соединил их ладони и торжественно произнёс:

– Дети, любите, берегите друг друга и примите моё отеческое благословение. С богом!

Колесница моей жизни покатила в очередной раз по счастливому семейному кругу. Через месяц после описанного выше сватовства Альберто и Мария повенчались в церкви Святой Троицы на Авенида Дель Пилар, в двух шагах от родового дома Марии, ставшего по обоюдному со мной согласию семейным очагом новой молодой семьи.

Я видел Мари теперь значительно реже. В часы отдыха от рукописных упражнений меня всегда тянуло к морю. Только здесь я мог насладиться сладчайшим одиночеством в компании моей несравненной Катрин и маленькой Мари. Я проводил на берегу долгие часы, беседуя с ними и самим собой о причинах горя, постигшего нашу размеренную и счастливую жизнь. В том, что всё произошедшее случилось по воле Бога, я не сомневался. Но зачем и с какой целью?

Высокие и благородные души дона Гомеса, милостивой донны Риарио и ангелоликой Катрин, белые и стремительные, как чайки, всякий раз, когда я приходил на берег, рассаживались вокруг меня и, выкрикивая отрывистые «*ья, ья...*», рассказывали подробности своего последнего путешествия по морю. Порой мне казалось, что я слышу голос Катрин: «*Ты напиши, напиши...*» «*Да, Катрин, я напишу, напишу!*» – отвечал я. И неизменно, когда я отвечал согласием на голос моей возлюбленной, одна из чаек устремлялась в небо, и истошно крича «*ья-ья*», делала широкий торжественный круг надо мной.

Часть 10. Таис

Загруженный дни напролёт собственными планами, я не успел истратить любовь сердца целиком на маленькую Мари. Это заметил Господь. Не прошло и года, как у меня появилась внучка, крохотная Таис.

– Мари, разве ты была такой же крохой?! – воскликнул я, когда нам с Альберто разрешили войти в комнату роженицы.

– Папа, – улыбаясь до ушей вымученной улыбкой счастья, ответила мне Мария, – я была такая же, просто ты был тогда ещё маленький!

Альберто предложил назвать дочь Катрин в честь бабки, но я воспротивился. В моём сердце никак не умещалось две Катрин. Первая и единственная занимала всё пастбище моего сердца без остатка. А мне хотелось любить внучку совершенно особо. Мне казалось, что внутри меня начал образовываться самостоятельный орган – второе, вернее, третье сердце, предназначенное только для выражения зрелой прародительской любви. Мари, видя моё замешательство, изящно разрешила наши сомнения:

– Альберто, папа, посмотрите на календарь. Сегодня же день святой Таисии, мне так нравится это мудрое имя!

– «Таисия Египетская, V-ый век, значит – мудрая, плодородная...» – шурясь против яркого солнца, прочитал Альберто.

– Быть посему! – я облегчённо выдохнул, поцеловал Мари и удалился в кабинет, напевая на ходу «Таисия, Таис, Таи-йя и я!..»

Альберто служил старшим матросом на старом промысловом корабле «La amable Maria». Хозяин корабля дон Панчо подумывал о постройке нового судна, понимая, что время «Кроткой Марии» подходит к концу. На верфи в Аликанте он заложил новый корабль, постройка которого по расчётам должна была завершиться через год.

В приподнятом настроении дон Панчо заключил контракт на морской транзит в кипрский Лимассол какого-то сельскохозяйственного груза. В это последнее плавание «Марии» он решил отправиться сам и пригласил в команду на правах почётных гостей многих отслуживших ему верой и правдой матросов.

Более того, двенадцать кают, предназначенные для коммерческих пассажиров, он бесплатно отдал для родственников основной команды корабля. Этим обстоятельством воспользовался Альберто и «на правах старшего матроса» испросил у дон Панчо разрешение взять в плавание Марию. «Что ж, Мария на „Марии“ – это добрый знак!» – ответил дон Панчо.

Мари была в восторге от возможности поучаствовать в предстоящем путешествии и пересечь Средиземное море на знаменитом корабле дон Панчо. Она даже полагала взять в плавание малышку Таю, но я воспротивился, сказав с усмешкой: «Нет уж, внучку на волю волн я не отпущу!»

Зачем я так неосторожно пошутил, ведь та малая мудрость, которую мне довелось приобрести ценой жестоких лишений и уроков Божественной Воли, научила меня не бросать слова на ветер? Поспешно высказанные мысли (то первое, что приходит в голову) частенько становятся лукавой импровизацией нашей свободной воли.

Разве можно шутить с морем? Оно не понимает житейской схоластики. Для среды, не знающей лукавства, сказанное обретает силу руководства к действию. Мы можем двояко понимать происходящее. Море – никогда...

И вновь в моей жизни случилось непоправимое. На самом подходе к Кипру, огибая мыс Гата, «Кроткая Мария» почему-то сменила фарватер и на полном ходу пошла напрямиком на рифы.

Это случилось ранним утром. Все, кроме вахтенных, ещё спали. Первый подводный камень прорубил шпунтовый пояс по форштевню около грузовой ватерлинии, второй вонзил свой клык с другой стороны ниже водореза. Получив две огромных пробоины в носовой части, «Мария» резким увеличением положительного дифферента поднырнула, выпячив над водой корму. Теряя управление, она рухнула на третий огромный выступающий из воды риф, перевернулась от удара на бок и медленно стала погружаться, увлекая за собой в образовавшуюся воронку даже тех немногих, кто успел прыгнуть в воду с тонущего корабля...

Весть о гибели «Кроткой Марии» пришла в Сан-Педро спустя четыре дня. Жители города вышли на набережную. Тысячи цветов плыли по воде вдоль всего берега. Старая Беренгария с малышкой Таей на руках бродила среди горожан и плакала, призывая Господа Бога в свидетели случившегося. Вокруг меня собралась толпа друзей нашей семьи. Десятки рук трогали меня за плечи. Каждый из собравшихся мне что-то говорил, заглядывая в глаза. Я же слышал только звуки, похожие на крики чаек, – «ыа, ыа, ыа...»

Часть 11. Не берущийся интеграл судьбы

Третий раз начинать жизнь с точки, едва отличной от нуля (Бог сохранил мне маленькую Таю), оказалось совсем непросто. Говорят: «Только раздрав пелену страдания, можно увидеть истину». Шестым чувством я знал, что милостивый Бог даёт мне третью, последнюю попытку понять хоть толику смысла, вложенного в факт моего повторного земного рождения. И ещё я верил, что Он не оставит меня Своей Любовью. Милосердный Бог обязательно дарует мне силы наполнить теплом человеческой любви новое хрупкое житейское русло, по которому потечёт новое время. И у этого русла одним крутым яром буду я, а другим, положим берегом – крохотная Таис.

Помню, отец положил передо мной тоненькую книжку и сказал: «Сын, прочти этот русский бестселлер. В нём есть подсказка, как обрести правду перед Богом». На обложке была нарисована белая русская метель и крупными буквами написано: «А. Pushkin, Eugene Onegin, la novela en verso». Повинуясь воле отца, я перелистал роман до конца. Если сказать честно, мне не понравился ни язык Пушкина, ни беспокойный сюжет романа, ничего общего с нашей размеренной испанской жизнью не имеющий. Но одно соображение всё же врезалось в мою память на всю жизнь: Пушкин очень хотел из Онегина, этакого фигляра, сделать человека думающего. Он заставил его убить на дуэли друга, одарил Евгения чистой ангельской любовью и тут же заставил его от неё отказаться. Когда же, повзрослев, Онегин понял, от какого счастья он беспечно отвернулся, встав над миром в позу маленького Наполеона, в нём проснулась впервые настоящая высокая любовь, но было, увы, поздно...

Я рассеянно читал, и вдруг меня пробило, как током. Сколько же надо претерпеть Божественных подсказок, чтобы человек открыл для себя одну простую вещь: нельзя принимать обстоятельства жизни (в которые, как в одежды, одевается твоя судьба) за случайную вереницу несвязанных друг с другом событий!

Если бы накануне гибели Катрин я понял, что заигрался с «водичкой» (так И. Бродский в будущем назовёт мировой океан), разве я отпустил бы мою любимую в Рабат?

Заваривая сюжетный коктейль повести, я легкомысленно черпнул с места гибели «Титаника» ковш терпкой ледяной Атлантики. Опьянённый успехом, я совершил страшный грех – исполнил литературный «танец на костях»! Волна людского возмущения немного отрезвила меня. Я почувствовал свою внутреннюю неправоту, но перед Богом свой грех не исповедал, разве что замаял его.

Много позже я благословил Мари в далёкое и опасное путешествие, не будучи уверенным, что Бог простил мне этот соломенный флирт? Ведь я так и не попросил Его об этом...

Уверен, всё сложилось бы иначе, умей я вглядываться в последовательность житейских событий не как потешный беллетрист-рассказчик, но как умный аналитик, читающий помыслы, уготованные нам не людьми, но самим Богом.

Я отложил в стол литературные упражнения и стал просто жить, наблюдая время и его необычайные события. Двадцатый век уничтожал, казалось, незыблемое право человека на жизнь. Я видел, как симпатичные уравновешенные люди под чарами той или иной идеи превращались в жестоких фанатиков. Я страдал душой, глядя на героические воодушевлённые лица моих знакомых, идущих на заклятие, ради ценностей, которые завтра же будут объявлены мнимыми. Как легко увлечь благородную душу призывом пожертвовать собой ради будущей лучшей жизни! Жертвенное начало – это поводок, за который лукавый бес тянет наши души в ад самоубийства. Ведь никогда ни одна революция, ни одна война, развязанная с благими намерениями, не сделала человека счастливым. Бес слишком хитёр, чтобы мы могли беспечно

творить в этой жизни благо, раздвинув, как репейник, его когтистую волю. Конечно, в минуты личной жертвы Бог с нами, но часто мы сами отстраняемся от Него в агонии жертвенного сластолюбства. Даже в присутствии Бога бес умудряется нашептывать нам свою волю!..

Часть 12. Эпилог

Закончилась Вторая мировая война. В городок вернулись искалеченные войной горожане. И это называется нейтралитет! Впрочем, если бы не наш славный каудильо Франсиско Франко, всё могло оказаться гораздо хуже, и мы бы с этим прохвостом Гитлером вляпались в дерьмо по самое не могу.

Тае исполнилось... шестнадцать лет! Красотой лица и лёгким благородным станом она вышла в бабку. Наблюдая это шестнадцатилетнее сокровище, я позволял своему сердцу погружаться в омут молодости. Мне чудилось, что рядом со мной вновь гарцует несравненная Катрин, и мы бежим вдоль набережной наперегонки. А где-то впереди огромное белое солнце размечает нашу «беговую дорожку» жаркими полуденными лучами!

Всю зиму у меня проболела спина. Годы брали своё, я принимал их «нововведения» с печальным равнодушием, единственно радуясь присутствию моей в жизни ненаглядной Таисии.

Как-то за завтраком Тая обратилась ко мне со словами:

– Дед, ты себя запускаешь. Я купила тебе абонемент в бассейн с подогретой морской водой. Как раз для тебя.

Она передала мне маленькую синюю карточку, на которой значилось «TALASIA bono piscinas». Я повертел карточку в руке и спросил:

– Когда?

– А когда хочешь. Знаешь, дед, иди прямо сейчас!

– А что, пойду, пожалуй! – усмехнулся я и вышел из-за стола, поцеловав и поблагодарив Таю за заботу.

Почтенный человек моего возраста никогда не делает ничего сразу. Нажитая мудрость побуждает его анализировать перед началом всякого действия многие обстоятельства, которые обычно скрыты от близорукой молодости. Старый человек не гонится за новизной. Для него новое – это та или иная вариация на тему уже известного старого, а настоящее новое, как правило, ярчайшая редкость. И ещё – старый человек консервативен. Он знает, что не успеет вжиться в незнакомое событие, поэтому предпочитает воспринимать новизну как театральное действие, удобно располагаясь в ложе для почётного зрителя. На предложение снизить до фарса и поиграть на сцене вместе с молодыми комедиантами он, как правило, отвечает вежливым отказом.

Поэтому только на третий день от памятного завтрака я отправился греть кости в бассейн с тёплой морской водой, выстроенный недавно на краю города, недалеко от набережной Сан-Педро.

И ещё. Человек моего возраста смотрит на сверкающий сиюминутный мир, но видит в нём только то прошлое, где произошли главные события его жизни.

Когда после купания я покидал пределы бассейна, со мной приключилась метаморфоза, время которой, как я полагал, прошло безвозвратно. Я ощутил внутри себя... присутствие другого человека. Этот другой, как и прежде, был на порядок сильнее привычной, отшлифованной годами моей внутренней организации.

«Ты стар, – слышался незнакомый внутренний голос, – Мне нужен другой. Он рядом!»

– Кто он?

В пяти – шести метрах позади меня шёл, вернее, крался, как кошка, молодой парень лет двадцати.

– Ну-ну, – пробурчал незримый «наставник», – милости прошу!
Я покорно подцепил парня на буксир и повёл к пристани.

Когда мы переходили дорогу, я обернулся и посмотрел поверх парня на балкон собственного дома. Милая Тая весело махала мне красным шарфом, тем самым шарфом Катрин, который я бережно хранил все эти годы как семейную реликвию.

Необычайно сильно кольнуло под сердцем. Кольнуло по-настоящему, насквозь, не далее, как в дюйме от смерти.

Да, некая сила требует передать право жизни, как эстафету, молодому и сильному организму. Но сколько людей заплатили своей гибелью за то, что мне было дано право прожить чужую счастливую жизнь, полную любви и житейских приключений! Как кометы, сгорели во имя моё Катрин, дон Гомес, донна Риарио, Мари, Альберто... Неужели история повторяется?

Мы подошли к пирсу. Через минуту причалила та самая старая яхта. Я узнал лица моряков, которые встретили меня шестьдесят лет тому назад.

– Господин Огюст, прошу на вельбот! – торжественно сказал кэп.

Я перешёл на палубу.

– А ты что? – спросил матрос паренька, следовавшего за мной.

Парень занёс ногу, размышляя, как бы половчее перепрыгнуть через швартовый канат.

– Господин Огюст, извольте подать ужин? – спросил улыбающийся до ушей рыжий верзила.

Не слушая его, я обернулся и рукой остановил роковой акробатический этюд:

– Стой, парень, тебе не следует плыть с нами. Возвращайся.

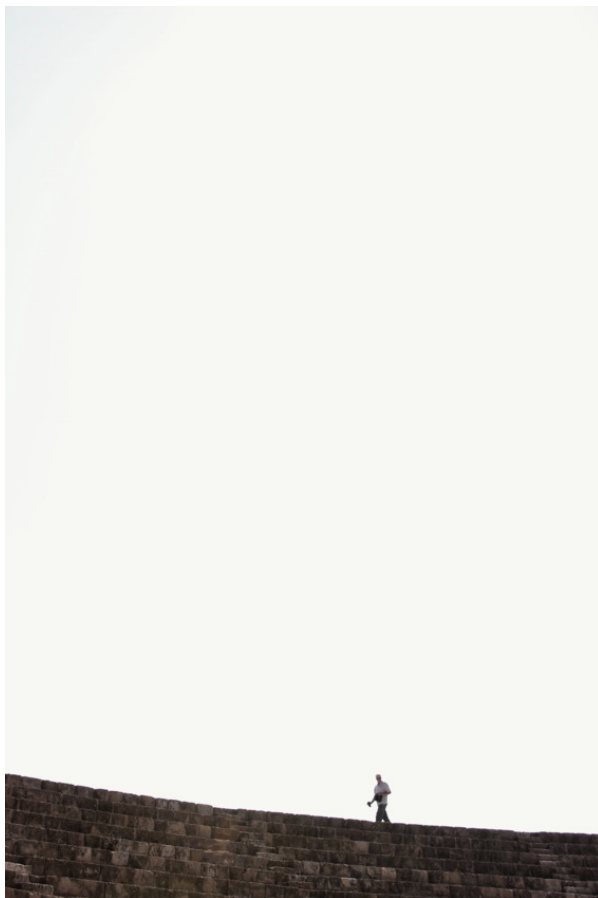
– Господин Огюст! – закричал кэп. – Так нельзя! Вы погубите себя и нас!

– Успокойтесь, капитан, и поверьте мне на слово: за свою жизнь мы должны отвечать сами. Распорядитесь подавать ужин.

Кэп ничего не ответил и нехотя распорядился поднять паруса. Яхта, как и шестьдесят лет тому назад, направилась прямым фарватером в открытое море. Я всматривался в исчезающие очертания берега и прощался с землёй, испытывая неожиданный душевный восторг и давно забытый прилив сил. Команда вельбота, поначалу озлобленная моим решением, всё более возвращалась в спокойное расположение духа и становилась приветливее.

Я взял судовой бинокль и принялся рассматривать причал. Вскоре, несмотря на старческий астигматизм, я разглядел то, от чего моё сердце забилось по-молодецки легко и радостно! Над причальной стенкой в метре друг от друга колыхались на ветру два хрупких силуэта: моя милая Тая и паренёк, которому только что я сохранил право жить собственной жизнью.

ПЛАНЕТА-НАДЕЖДА

Вступление. Пакость фатального характера

За считанные секунды непредвиденное обстоятельство фатального характера превратило многолетнюю планетарную миссию в жалкую примитивную катастрофу. Первое, что в таких случаях приходит в голову – это человеческий фактор. Что ж, удивительная антропологическая особенность нашего ума: искать причину всякой аварии в действиях стрелочника – неистребима! Каждый раз, барахтаясь на волне эмоций, мы забываем, что негативное влияние человека на образование нештатной ситуации давным-давно сведено к нулю. Именно поэтому я смею утверждать: всё, случившееся с нами – очередная пакость фатального характера.

Рабочая капсула в штатном режиме отделилась от орбитальной станции и вошла в плотные слои атмосферы крохотной планеты Урия². Для особо любознательных добавлю: Урия – представительница периферийной планетарной системы ближайшей к нам звезды класса Солнца – HD6830, расположенной в созвездии Кормы.

Когда до расчётного квадрата посадки оставалось меньше полутора тысяч метров на поверхности Урии началось мощнейшее извержение вулкана с выбросом радиоактивного пепла. Все приборы капсулы мгновенно зашкалили. Защита, блокированная контуром «i-ri» и не рассчитанная на бомбардировку тепловыми нейтронами, которых практически нет в открытом космосе, не сработала. В результате вместо мягкого и контролируемого «приземления» капсула воткнулась «лоб в лоб» в гранитный выступ скальной гряды. Сотрясение было настолько велико, что все четыре мои товарища погибли мгновенно. Меня же спасло то обстоятельство, что во время удара я, перевязанный системой ремней безопасности, заканчивал тестирование величины магнитного насыщения ферромагнетика в приборном отсеке капсулы. По этой «нелепой» случайности мне удалось обменять смерть на пару отменных шишек на голове и лёгкую контузию.

Кое-как я выбрался из разрушенной в хлам лаборатории и по трупам товарищей, шатаясь, как пьяный от сотрясения и испарений какой-то разлившейся гадости, стал пробираться к выходу. У выходного шлюза мне почудился странный гул. Гул нарастал. Я посмотрел в иллюминатор и увидел вокруг повреждённой капсулы воинственную толпу живых существ, антропологически схожих с нашими далёкими предками. О, это было захватывающее зрелище! У подножия капсулы «царствовала» ожившая иллюстрация из книги о раннем периоде развития человечества.

² Урия – (др. евр.) «Бог – мой свет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.